

3. *Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я.* Криминология. Общая часть. Учебное пособие. – Иркутск, 1999.
4. *Гориенков А.Г.* Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации. Дисс. канд. юр. наук. – Нижний Новгород, 1999. – С. 35.

С.В. Кулик

**К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 307 УК РФ, И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЕГО
СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ**

Дальнейшее укрепление законности и правопорядка, повышение эффективности борьбы с преступностью неразрывно связаны с правильным применением уголовного закона всеми органами и должностными лицами на всех этапах правоприменительной деятельности. В свою очередь, строгое соблюдение требований законности и социальной справедливости в борьбе с преступностью возможно лишь при условии правильной квалификации преступлений, т. е. точной уголовно-правовой оценки содеянного.

Для того чтобы правильно квалифицировать преступление, необходимо очень четко представлять себе разграничительные линии между ним и смежными преступлениями. Устанавливая свойственные данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые ему не присущи, постепенно углубляя анализ правовой нормы и фактических обстоятельств содеянного, мы приходим к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других. По сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений. Можно сказать, что разграничение преступлений есть обратная сторона квалификации [1. С. 126].

В этой связи представляется необходимым провести разграничение между преступлениями рассматриваемой нами группы. Прежде всего, остановимся на проблеме разграничения состава фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) и состава заведомо ложных показаний, заключения эксперта или неправильного перевода (ст. 307 УК РФ).

Рассматриваемые преступления имеют ряд общих черт, в частности, они посягают на один и тот же видовой объект – отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств и истинных выводов по делу. Определенные черты сходства имеются и в характеристике непосредственного объекта. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, являются общественные отношения по обеспечению поступления в распоряжение органов правосудия достоверных (вещественных и письменных) доказательств; дополнительным объектом могут быть права и интересы личности; факультативным объектом является установленный порядок составления и ведения официальной документации в сфере судопроизводства. Основным непосредственным объектом преступления, описанного ст. 307 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие получение органами предварительного следствия и суда достоверных доказательств в форме показаний свидетеля, потерпевшего, заключения эксперта и иную истинную информацию от участников уголовного судопроизводства на основании правильного перевода. Факультативным объектом преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, могут

выступать общественные отношения, обеспечивающие различные права и интересы личности. Оба рассматриваемых преступления совершаются с прямым умыслом.

Исходя из сказанного, следует прийти к выводу, что в основе разграничения указанных составов преступлений должны лежать признаки, характеризующие объективную сторону и субъект деяния. Правильное установление признаков объективной стороны важно по многим причинам. Оно нередко дает возможность определить признаки объекта и субъекта преступного посягательства. Дело в том, что посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершенно лишь ограниченным кругом способов и лишь специальным субъектом [2]. Сказанное справедливо и для рассматриваемой нами ситуации.

Объективная сторона преступления, описанного в ст. 307 УК РФ, выражается в следующих формах: 1) заведомо ложное показание свидетеля, потерпевшего; 2) заведомо ложное заключение эксперта или специалиста; 3) заведомо неправильный перевод в суде или при производстве предварительного расследования. При этом заведомо ложное показание свидетеля, потерпевшего может выражаться не только в утверждении того, чего в действительности не было, но и в умолчании об обстоятельствах дела [3. С. 12, 32; 4. С. 181; 5. С. 12]. Заведомо ложное заключение эксперта или специалиста, которое может выражаться не только в заведомо неправильной оценке фактов, обнаруженных при производстве экспертизы, искажения фактических обстоятельств дела, но и в умолчании о существенных для расследуемого или рассматриваемого дела фактах [6. С. 37; 3. С. 34; 7. С. 17]. Заведомо неправильный перевод в суде или при производстве предварительного расследования заключается в умышленном искажении при переводе смысла сказанного или же путем умолчания переводчика о смысле того, что он обязан перевести (документов, свидетельских или иных показаний, вопросов и ответов и т. п.) [8. С. 620; 9. С. 520, 523; 10. С. 319].

Фальсификация доказательств, исходя из смысла ст. 303 УК РФ, подразумевает определенные манипуляции с материальными носителями доказательственной информации: вещественными доказательствами, протоколами, заключением эксперта, специалиста, иными документами – внесение дополнительного текста в документы, их подделка, подчистка, пометка другим числом, подмена, деформирование, иное искажение вещественных доказательств (например, нанесение пятен крови на одежду, составлении письменных доказательств, ложных по содержанию (например, письмо, в котором содержится признание долга и т. д.) [8. С. 612].

Различие между данными деяниями состоит в том, что фальсификация предполагает манипуляции с материальными носителями доказательств по делу любым лицом, участвующим в деле, тогда как во втором случае искажение доказательственной информации производится свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом или переводчиком в процессе ее устной передачи либо на стадии формулирования выводов исследования.

Поэтому правы ученые, полагающие, что не охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. Указанные действия образуют самостоятельное преступление, предусмотренное ст. 307 УК [9. С. 519, 520].

В тех случаях, когда заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод были сопряжены с искусственным созданием доказательств, речь может идти о квалификации преступлений по правилам реальной совокупности (ст. 303 и ст. 307 УК РФ). Это мнение разделяют 82 % опрошенных нами следователей и дознавателей.

В следственно-судебной практике нередко возникают трудности в разграничении заведомо ложного показания свидетеля или потерпевшего или заведомо ложного заключения эксперта, специалиста (ст. 307 УК РФ), с одной стороны, и отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 308 УК РФ) – с другой. Анализируемые преступления имеют ряд общих черт, в частности, они посягают на один и тот же непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие получение достоверных доказательств и истинных выводов по делу. Оба эти преступления совершаются одними и теми же специальными субъектами, на которых законом возложены особые обязанности: свидетель, потерпевший и эксперт. Исключением в этом отношении является лишь переводчик, который несет уголовную ответственность лишь за неправильный перевод, сделанный им в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания по ст. 307 УК РФ, однако не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ.

Определенные черты сходства имеются и в характеристике субъективной стороны этих составов: эти преступления совершаются с прямым умыслом. Поэтому в основе разграничения указанных составов преступлений должны лежать признаки, характеризующие объективную сторону деяния. Как указывалось ранее, дача заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) с объективной стороны выражается в сообщении органам дознания, следствия и суду ложных сведений о фактах и обстоятельствах, подлежащих установлению по конкретному делу, или умолчании о них. Вряд ли можно согласиться с утверждением Н.С. Власова и И.М. Тяжковой о том, что «отказ будет и тогда, когда свидетель, будучи вызван в судебно-следственные органы и не желая давать показания, и заявляет, что он ничего не знает» [11. С. 100]. Поскольку свидетель или потерпевший, располагающий определенной информацией, имеющей значение для установления истины по конкретному делу, при допросе заявляет, что он ничего не знает, следует признать, что такое лицо дает заведомо ложное показание, ибо оно на вопросы отвечает неправильно, т. е. заведомо ложно. Состав заведомо ложного показания характерен именно тем, что свидетель или потерпевший сообщают сведения, не соответствующие действительности.

Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) обычно выражается в заявлении свидетеля или потерпевшего о нежелании давать требуемые от него показания, причем это нежелание (отказ) может быть выражено как в устной, так и в письменной форме.

Анализ опросов сотрудников следствия и дознания показал, что отдельные практические работники необоснованно широко толкуют понятие «отказ от дачи показаний». В частности, 27 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов оценивают как «отказ от дачи показаний» случаи, когда свидетель в судебном заседании отказывался от показаний, данных на предварительном следствии. При этом не учитывается, что отказ от показаний, данных на предварительном следствии, не есть вообще отказ от дачи показаний. Согласно ч. 2 ст. 281 УПК РФ заявленный в суде отказ потерпевшего или свидетеля от дачи показаний не препятствует оглашению его показаний, данных в ходе предварительного расследования, если эти показания получены в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 11 УПК РФ.

Как отмечалось ранее, отказ от дачи показаний выражается в том, что свидетель или потерпевший либо вообще не отвечают на вопросы лица, ведущего допрос, либо не отвечают на какие-то вопросы, либо отказываются освещать отдельные обстоятельства расследуемого и рассматриваемого дела.

Некоторые правоприменители (12 %) полагают, что отказом от дачи показаний следует признавать умышленное изменение в суде показаний, данных на предварительном следствии. Однако, с этой позицией, на наш взгляд, нельзя согласиться, поскольку умышленное изменение в суде показаний, данных на предварительном следствии, является, по существу, дачей в судебном заседании заведомо ложных показаний. В подобных случаях свидетель или потерпевший не отказываются от дачи показаний, а дают заведомо ложные показания, искажающие фактические обстоятельства расследуемого и рассматриваемого дела.

По объективной стороне заведомо ложные показания свидетелей или потерпевших, данные с целью сокрытия действительных виновников совершенного преступления, могут совпадать с укрывательством преступления. В связи с этим в судебной практике имели место случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, давших заведомо ложные показания, в том числе и оговоривших себя и тем способствовавших сокрытию от правосудия действительных преступников, не за лжесвидетельство по ст. 307 УК РФ, а за прикосновенность в форме укрывательства по ст. 316 УК РФ. Такая позиция правоприменителя находила свое теоретическое обоснование. (Из числа опрошенных практических работников этой точки зрения придерживаются 33 %). В частности, А.Н. Трайнин утверждал, что «в тех случаях, когда ложное показание ставит своей задачей добиться оправдания виновного, оно является одним из средств укрыть преступника от правосудия» [12. С. 140]. Мы полагаем, что с данным мнением трудно согласиться. Юридическая природа заведомо ложного показания, данного в пользу виновного, во многом не отличается от юридической природы заведомо ложного показания, сделанного с целью обвинить невиновного в совершении преступления. Как в том, так и в другом случае субъект, не исполняет обязанность по предоставлению достоверных доказательств по делу и тем самым затрудняет установление истины. При этом виновный не совершает каких-либо действий, заключающихся в укрывательстве преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

В то же время заведомо ложное показание, совершенное с целью оправдания обвиняемого, имеет некоторое сходство по объективным признакам с заранее необещанным укрывательством преступлений. Однако эти преступления весьма существенно отличаются друг от друга. В первом случае (ст. 307 УК РФ) лицо намеренно нарушает возложенную на него в соответствии с нормами УПК РФ обязанность быть искренним и правдивым, когда оно призывается для дачи показаний. Во втором случае (ст. 316 УК РФ) виновное лицо такой обязанности не несет.

Таким образом, заведомо ложное показание, данное в пользу виновного, не может быть расценено как укрывательство преступника или следов преступления, а подлежит квалификации по ст. 307 УК РФ [13. С. 30; 3. С. 33–34; 14. С. 67–68; 15. С. 27–28; 16. С. 219 и др.]. Однако по-иному должен быть решен вопрос в случае, когда речь идет о заранее обещанном лжесвидетельстве, преследующем цель оправдать преступника. Поскольку в подобной ситуации совершенное преступление находится в причинной связи с поведением лжесвидетеля, следует признать, что здесь имеются объединенные усилия двух или более лиц в достижении преступного результата. Отнесение заранее обещанного лжесвидетельства с целью освобождения кого-либо от уголовного преследования к соучастию покоится на твердых теоретических основаниях – требовании наличия причинной связи между действиями лица и вменными ему в ответственность преступными последствиями, что является необходимым условием уголовной ответственности за тот или

иной преступный результат. Обещание лжесвидетеля до совершения преступления дать заведомо ложное показание позволяет исполнителю «надеяться на безнаказанность в расчете на алиби или искусственное создание иных «доказательств», которые заранее гарантирует представить будущий свидетель-пособник». Поэтому следует прийти к выводу, что заранее обещанное лжесвидетельство с целью освобождения виновного от уголовного преследования является разновидностью соучастия в виде пособничества. Содеянное в этом случае подлежит квалификации не по ст. 307 УК РФ, а по ст. 33 и соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

В следственной и судебной практике возникают вопросы, связанные с отграничением понуждения свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкупа этих лиц (ст. 309 УК РФ) от подстрекательства к даче заведомо ложных показаний (ст. 33 и ст. 307 УК РФ).

Некоторые авторы полагают, что преступления, описанные в ст. 309 УК РФ, представляют собой одну из форм противодействия правосудию по установлению истины по делу. По своей сути они представляют собой специальные виды подстрекательства, которые вследствие их особой опасности для интересов правосудия выделены в самостоятельный состав преступления [8. С. 614].

В работах, написанных на основе УК РСФСР 1960 г., некоторые ученые утверждали, что посредством создания специальной нормы, предусмотренной в ст. 183 (сходная со ст. 309 УК РФ 1996 года), законодатель декриминализировал остальные способы подстрекательства к лжесвидетельству [17. С. 27]. Совершенно обоснованной нам представляется критика данного мнения А.С. Гореликом. Автор подчеркивает: «Выделение конкретных способов действий соучастников в качестве самостоятельного состава в отдельной статье Особенной части не отменяет общие основания их ответственности, закрепленные в ст. 33 УК. Иной взгляд приведет к отрицанию обязательности положений норм Общей части для всех норм Особенной части и тем самым разрушит единство уголовно-правового регулирования» [18. С. 31–32].

Отграничение подстрекательства к даче заведомо ложного показания от понуждения свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкупа этих лиц надо проводить по объективной стороне составов этих преступлений, и, прежде всего – по способам воздействия на потерпевшего. При подстрекательстве это уговоры, просьбы и т. д., но не психическое насилие или подкуп, как при принуждении [19. С. 20].

Субъектом подстрекательства к даче заведомо ложного показания может быть любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, в том числе подозреваемый или обвиняемый по уголовному делу. Подстрекателем, как это указано в ст. 33 УК РФ, признается лицо, склонившее кого-либо к совершению преступления. Общественная опасность подстрекателя заключается в том, что по существу он является инициатором совершения преступления, а именно: возбуждает в другом лице решимость совершить определенное преступление. В воздействии на волю исполнителя и в возбуждении у него решимости совершить общественно опасное деяние и устанавливается причинная связь между действиями подстрекателя и совершенным исполнителем преступлением [20; 21]. Если же в отношении свидетеля, потерпевшего или эксперта применяется угроза убийством, насилием, истреблением имущества этих лиц или их близких с целью принудить их к даче судебно-следственным органам ложных показаний или ложного заключения, а равно подкуп свидетеля, потерпевшего или эксперта с целью дачи ими ложных показаний или ложного заключения, то такие действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 309 УК РФ.

Следует также обратить внимание и на то, что подстрекательство к даче ложных показаний имеет место лишь в том случае, если склоняемое лицо осознает несоответствие даваемых показаний действительности. При принуждении это не обязательно. Наконец, о принуждении можно говорить в том случае, когда вопрос о соучастии в преступлении вообще исключается – в случае склонения (определенным способом) к уклонению от дачи показаний, ибо по действующему УК, как уже было сказано ранее, уклонение от дачи показаний не является преступлением.

Достаточно сложная квалификационная ситуация складывается, когда виновное лицо совершает подкуп эксперта или специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний или переводчика с целью осуществления им неправильного перевода. Одни ученые и правоприменители полагают, что содеянное охватывается составом преступления, предусмотренного статьей 309 УК РФ. Другие считают, что поскольку эксперт или переводчик являются должностными лицами, их подкуп может при определенных условиях рассматриваться как дача и получение взятки [22. С. 411; 23. С. 334]. Так, И.С. Тяжкова по этому поводу пишет: «Поскольку эксперт является должностным лицом, его подкуп может при определенных условиях рассматриваться как дача взятки» [23. С. 334].

Представляется, что это мнение ошибочно. Эксперт, специалист и переводчик не являются должностными лицами, ибо им не принадлежит ни одна из описанных в примечании к ст. 285 УК РФ функций. Они выполняют свои профессиональные обязанности. Поэтому подкуп эксперта, специалиста или переводчика с целью склонить его к даче ложного заключения или осуществить неправильный перевод как дача взятки квалифицироваться не может.

Таковы основные рекомендации по совершенствованию практики квалификации преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, и разграничения его со смежными составами преступных посягательств. Нам представляется, что высказанные предложения будут способствовать повышению эффективности уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений.
2. *Мамедов А.* Соотношение и взаимосвязь объекта и объективной стороны состава преступления // Уголовное право. 1999. № 2.
3. *Рашковская Ш.С.* Преступления против социалистического правосудия. – М., 1957.
4. *Лясс Н.В.* Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. – М., 1962.
5. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. – М., 1963.
6. *Меньшагин В.Д.* Преступления против порядка управления. – М., Юриздат, 1945.
7. *Черных И.М.* Ответственность за заведомо ложное показание // Советская юстиция. 1963. № 5.
8. Комментарий к УК РФ / Под ред. А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону, 1996.
9. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Петрашева. – М., 1999.
10. Научно-практический комментарий к УК РФ. – Нижний-Новгород, 1996.
11. *Власов И.С., Тяжкова И.М.* Ответственность за преступления против правосудия. – М., 1968.
12. *Трайнин А.Н.* Учение о соучастии. – М., 1941.
13. *Соловьев А.* Понятие соучастия по советскому уголовному праву и практике Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1954. № 11.
14. *Смирнов В.Г.* Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. – М., 1957.
15. *Эльманович А.* Ответственность за лжесвидетельство и домогательство // Социалистическая законность. 1958. № 7.

16. *Гришаев Н.И., Кригер Г.А.* Соучастие по уголовному праву. – М., Госюриздат, 1959.
17. *Свидлов Н.М.* Специальные нормы и квалификация преступлений следователем. – Волгоград, 1981.
18. *Горелик А.С.* Конкуренция уголовно-правовых норм. – Красноярск, 1998.
19. *Кузьмина С.* Ответственность за подстрекательство и понуждение к даче заведомо ложных показаний // Законность. 1993. № 8.
20. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Часть первая. Понятие соучастия // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та, Т. 3, 1960.
21. *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Часть вторая. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. – Свердловск, 1962.
22. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 1997.
23. Новое уголовное право России. Учебное пособие. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой – М., 1996.

С.С. Кунаев

**РЕТРОСПЕКТИВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО
ОПЬЯНЕНИЯ, В РОССИИ (ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО 1917 ГОДА)**

Исторический анализ ответственности лиц за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения помогает выявить определенные тенденции и закономерности, самобытность и традиции российского народа.

Анализ различных источников позволяет констатировать, что полностью отсутствуют публикации по истокам антиалкогольного законодательства Древнерусского государства.

Древнерусское право возникает вместе с Древнерусским государством. Следовательно, хронологические рамки этого явления столь же неясны. Установить точную дату трудно, так как первой формой выражения правовой нормы являлся обычай, который на тот момент не документировался.

Важнейшим законодательным памятником Древнерусского государства являлась Русская Правда, которая включала в себя нормы различных отраслей права.

В письменных памятниках древнерусского периода нашей истории часто встречаются указания на пиры и братчины. Пир – «долго продолжающийся торжественный обед (ужин) для большого числа приглашенных с обильным угощением, хмельными напитками и увеселениями» [1]. Слово «братщина» И.Д. Мартысевич понимал как группу «соседей, объединившихся между собой с целью организации в складчину общественных пирушек» [2. С. 117], которая могла рассматривать мелкие дела, вроде оскорблений и драк во время пира [2. С. 118].

Пиры были одной из форм общественной жизни в средневековье, сложившейся на более ранних этапах развития общества. Известны княжеские пиры в X–XII вв. с участием бояр, гридей, на которые специально приглашались деклассированные элементы города, пиры у бояр и богатых горожан в XI в., городские братчины в XII в., монастырские пиры в конце XII в., сельские пиры и братчины в XIV в.; на пирах допускались словесные турниры между представителями разных социальных групп, не принятые в обычной жизни.

На пирах и братчинах при большом скоплении народа естественным образом могли совершаться преступления: убийство, воровство, кражи, драки, оскорб-